

Алексей ГОРЮНОВ, Любовь ПОТАНИНА, Елена ШАБАЛКИНА

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРОЕКТ

В работе рассматривается проблема идентичности социокультурных общностей. Особое внимание уделяется роли и месту исторических представлений в механизмах поддержания социокультурной идентичности.

The issue of identity in social and cultural communities is considered in the article. Particular attention is paid to the role and place of historical representations in the mechanisms of maintaining social and cultural identity.

Ключевые слова:

историзм, общество, социальные изменения, идентичность, философия истории; historicism, society, social changes, identity, philosophy of history.

В современном быстро меняющемся мире проблема идентичности социокультурных общностей приобретает особое значение. В настоящее время, как никогда прежде становится очевидным, что идентичность социокультурных субъектов не воспроизводится автоматически, а требует, как бы сказали в синергетике, работы по преодолению уравновешивающего действия среды. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение механизмов поддержания социокультурной идентичности. В данной работе нас будет интересовать роль истории, точнее, исторических представлений в процессе восстановления/поддержания/культивирования идентичности социокультурных общностей (этносов, государств, цивилизаций и т.д.).

Часто приходится сталкиваться с мнением, что идентичность поддерживается через историю. Наиболее рельефно это выразил Г. Люббе в работе «Историческая идентичность», где он прямо заявляет: «Индивидуумы в их неповторимости могут быть идентифицированы с помощью историй. Рассказывая наши истории, мы демонстрируем эту неповторимость»¹. Понятно, что под индивидуумами здесь подразумеваются не только человеческие индивиды, но и социокультурные общности. Но затруднение состоит как раз в том, что мы эти истории «рассказываем». То есть, под историей здесь понимается не объективный процесс, а наши представления о нем. Сама же история в смысле объективного процесса не является непрерывной. Она предполагает череду, как сейчас модно выражаться, «разрывов», которые, собственно, и вызывают к жизни кризисы идентичности.

Описание таких кризисов и их преодоления мы находим, например, в работах Ю.М. Лотмана. Разрушение идентичности исторической системы, по Лотману, происходит в момент «взрыва» (бифуркации) и является событием, т.е. имеет онтологический статус. Здесь происходит нарушение непрерывности развития системы, «отключаются» жесткие причинно-следственные механизмы, поведение системы становится непредсказуемым и происходит выбор одного из нескольких возможных путей развития. «Настоящее, — пишет исследователь, — это вспышка еще не развернувшегося смыслового пространства. Оно содержит в себе потенциально все возможности будущих путей развития. Важно подчеркнуть, что выбор одного из них не определяется ни законами причинности, ни вероятностью: в момент взрыва эти механизмы полностью отключаются. Выбор

ГОРЮНОВ

Алексей

*Владимирович —
к.филос.н., доцент
кафедры философии
УлГПУ
algor74@inbox.ru*

ПОТАНИНА

Любовь

*Евгеньевна—
к.филос.н., доцент
кафедры философии
УлГУ
Nezumil@mail.ru*

ШАБАЛКИНА

Елена

*Евгеньевна—
к.филос.н., доцент
кафедры философии
УлГУ
shabalкина@inbox.ru*

¹ Люббе Г. Историческая идентичность // Вопросы философии, 1994, №4, с. 108.

будущего реализуется как случайность»¹. Лишь после этого на уровне «общественного сознания» (самоописания системы) происходит восстановление идентичности за счет представления нескольких сменяющих друг друга исторических систем как «стадий» в развитии якобы одной и той же исторической системы. Этот феномен автор описывает следующим образом: «Дальнейшее развитие как бы возвращает нас, уже в сознании, к исходной точке взрыва. Произошедшее получает новое бытие, отражаясь в представлении наблюдателя. При этом происходит коренная трансформация события: то, что произошло, как мы видели, случайно, предстает как единственно возможное. Непредсказуемость заменяется в сознании наблюдателя закономерностью. <...> Именно такой процесс происходит, когда сложное переплетение причинно обусловленных и случайных событий, которое называется “историей”, делается предметом описания сначала современниками, а потом историками»².

Подведем промежуточные итоги. Социокультурные общности в процессе своего существования проходят череду кризисов идентичности, преодоление которых невозможно через простое восстановление прерванной кризисом традиции, апелляции к историческому прошлому. «История» ни как объективный процесс, ни как наше знание о своем прошлом сама по себе не может обеспечить, гарантировать сохранение идентичности. Чтобы сохраниться, социокультурная общность должна сформулировать новый проект, новое понимание своего прошлого и будущего или, выражаясь терминами В. Хесле, новый нормативный и дескриптивный образ самого себя³.

Но, пожалуй, наиболее радикальный подход к проблеме социокультурной идентичности демонстрирует И. Валлерстайн. В статье «Существует ли в действительности Индия?» он показывает, что Индия как суверенное государство сформировалась в рамках современной капиталистической миросистемы, как ее часть, а «история» Индии была сконструирована политиче-

скими деятелями, учеными и широкими массами в настоящем и недавнем прошлом как способ легитимизации существующего положения вещей. «Индийская культура, — пишет ученый, — есть то, что все мы коллективно утверждаем о ней»⁴. Но это, говорит далее автор, особенность не только Индии: «То, что я хочу сказать об Индии, не является специфической особенностью ее истории, а является общим свойством почти всех ныне существующих суверенных государств, членом ООН»⁵.

Постановка проблемы, предложенная И. Валлерстайном, выводит нас на вопрос о соотношении «проективного» и «исторического» компонента в процессе поддержания и культивирования идентичности социокультурных общностей. Излишне говорить, что это лишь частный случай вопроса о соотношении нормативного и дескриптивного, т.к. проективное основано на нормах и ценностях, а историческое так или иначе связано с описанием реальности. Последнее, впрочем, следует понимать не в том смысле, что историческое самоописание какой-либо социокультурной общности всегда соответствует реальности, а в том смысле, что оно всегда претендует на это.

Важно также понимать, что в рамках кризиса идентичности выдвигается не один, а множество проектов, каждый из которых предлагает свое историческое самоописание данной социокультурной общности. Борьба и взаимодействие этих проектов определяют не только будущее, но и прошлое данного народа, государства, цивилизации.

Здесь встает важный вопрос: не означает ли сказанное, что в рамках таких проектов создаются исторические мифы, никак не связанные с исторической «реальностью»? Для правильного ответа на этот вопрос мы должны помнить, что простое собрание исторических «фактов» не дает «истории». История — это всегда интерпретация исторических данных, осуществленная с точки зрения той или иной концепции, причем не обязательно «научной». Поэтому многое зависит от ценностных ориентиров, встроенных в проект. Если ценностный фундамент проекта требует «правильного»

¹ Лотман Ю.М. Семиосфера. — СПб. : Искусство—СПб, 2000, с. 22—23.

² Там же, с. 23—24.

³ См.: Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии, 1994, № 10, с. 112—123.

⁴ Валлерстайн, И. Существует ли в действительности Индия? // Логос, 2006, № 5(56), с. 6.

⁵ Там же, с. 4.

описания исторической «реальности», то она будет реализована, по крайней мере на уровне деклараций.

То же самое касается и «научности» исторического самоописания. Научность исторических построений — это ценность относительно недавнего прошлого. Многие тысячелетия люди обходились без этой ценностной установки, довольствуясь мифами, религиозными и метафизическими (рациональными, но умо-зрительными) схемами. В настоящее время ссылка на научность стала общим местом, и современные проекты уже не могут обходиться без нее.

Но и здесь существует определенный простор для маневра. Под научность можно маскироваться, принимая эту ценность лишь на словах. Можно встать в оппозицию к «официальной» науке, противопоставив ей «науку будущего», якобы менее догматичную и более внимательную к новым методам и «неудобным» фактам. Можно, наконец, вести речь о недостаточности науки, причудливо соединяя научные положения с соображениями мистического, религиозного и иного порядка.

Отсюда ориентация на научность, претензия на «правильное» описание истории является лишь регулятивом, разграничивающим «приемлемые» и «неприемлемые» исторические самоописания. Но даже официальная наука не может дать и не дает одного единственно правильного исторического самоописания. Поэтому, даже встав на позиции официальной науки, можно сконструировать различные (хотя и не какие угодно) описания истории и, следовательно, поддерживать различные (хотя и не любые) проекты.

В целом, дескриптивный, в т.ч. исторический, компонент проекта выполняет критическую функцию, играет роль своего рода ограничительного критерия. Он выбраковывает проекты, которые заведомо лишены исторической основы. Мы, скажем, не можем, оставаясь на почве официальной науки, всерьез выводить происхождение славян из легендарного Асгарда или допускать существование неких «укров» во времена Древней Руси.

Вместе с тем наши исторические построения не предрешают содержание проекта, оставляя простор для целого спектра

«приемлемых», «не противоречащих истории» интерпретаций. Одна и та же «официальная» научная история позволяет нам рассматривать Россию как наследницу и доордынскую Руси, и Золотой Орды, и Московского царства и т.д., обосновывая этим различные проекты социального будущего.

Лишь теперь мы можем ответить на вопрос И. Валлерстайна, существует ли в действительности Индия (Китай, Россия и т.д.). Ответ можно свести к нескольким пунктам.

1. Индия, конечно, существует, но существует как проект и практика его реализации. Индия будет существовать до тех пор, пока этот проект явно или неявно поддерживают его контрагенты (индивиды, социальные группы, организации и т.д.). Еще точнее, на любом историческом этапе существует не один проект, а семейство, группа более или менее сходных проектов. Действительное развитие Индии — это результирующий вектор реализации этих проектов с учетом внешних, «объективных» обстоятельств.

2. Индия — это исторически изменчивый проект. Как любая социокультурная общность, Индия проходит через череду кризисов идентичности. В рамках кризисов идентичности проект под названием «Индия» претерпевает определенные изменения в диапазоне от полного отказа от проекта до фанатичного следования традиции. Однако, как показывает опыт, успешными оказываются проекты, которые находят разумное сочетание между традицией и новациями. Радикальное обновление грозит потерей идентичности, а слепое следование традиции делает социокультурную общность нежизнеспособной в новых, изменившихся условиях.

3. Индия — это проект (группа проектов), опирающийся на определенное видение истории. Однако «история Индии» во многом зависит от содержания выбранного проекта и исторически переопределяется вместе с ним. Чтобы понять прошлое, нужно сначала нарисовать картину настоящего и будущего.

Работа написана при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-13-73004 а(р).